

Насельники Нило-Сорской пустыни в годы гонений

В начале XX века Нило-Сорская пустынь разделила общую судьбу русских монастырей. В сентябре 1919 года Кирилловский исполком, рассмотрев устав Нило-Сорской религиозной общины, её зарегистрировал, а в августе 1924 году Президиум Череповецкого¹ губисполкома принял постановление о расторжении договора с общиной за то, что епископ Кирилловский Тихон (Тихомиров) поминал на богослужении Святейшего патриарха Тихона. Дело о его «контрреволюционных выступлениях» было передано в ОГПУ².

2 марта 1926 года Кирилловский РИК возбудил ходатайство о полной ликвидации Нило-Сорской пустыни с передачей её имущества в Госфонд, Главмузей и религиозным общинам. 8 августа 1927 года Президиум Череповецкого губисполкома с согласия Главнауки принял решение об окончательном закрытии пустыни и передаче её для «культурных нужд» населению уезда.

Окружей сдал насельникам в арендное пользование Иоанно-Предтеченский скит сроком на 2 года без права богослужения³. По воспоминаниям старожилов, к концу 20-х годов в скиту оставалось только 6 монашествующих – почти все глубокие старики: архимандрит Иларион, схимонах Илия, иеромонах Серафим, монахи Дорофей, Арсений, Лазарь. Жили насельники огородом и подавниями.

Договор об аренде действовал до 1 октября 1930 года. В 1932 году опустел и скит. В 1937 году Успенский и Предтеченский скиты были сняты с учёта Главнауки. Первый разобрали на хозяйственные нужды, второй сгорел в мае 1946 года.

После закрытия Нило-Сорской пустыни часть насельников переселилась в близ лежащую деревню Сорово, около церкви они впоследствии и были погребены. С 1930 года в Нило-Сорской пустыни разместились дом инвалидов при Липовском сельском совете «Пустынь», с 1961-го по настоящее время в нём находится психо-неврологический диспансер.

Говоря о судьбах последних насельников Нило-Сорской пустыни, следует заметить, что эта тема по истории обители является наименее изученной по нескольким причинам. Во-первых, основные архивные материалы о послереволюционном времени касаются в большей степени взаимоотношений между церковными и мирскими властями, имущественных

претензий, тяжб о строениях и угодьях, а не отдельных лиц. Во-вторых, материалы о репрессиях XX века до настоящего времени являются малодоступными. Хотя официально доступ к ним разрешён для исследователей, но в Вологодской области встречается множество преград разного характера.

Кроме того, административная география и топонимика бывшего Кирилловского уезда претерпели значительные изменения в советское время по сравнению с дореволюционным. Ещё одно обстоятельство затрудняет работу исследователя: поскольку в судебных делах встречается немало одинаковых фамилий и имён, то отсутствие в некоторых послужных списках монастыря отчества насельников не даёт возможности достоверно идентифицировать сведения об одном и том же лице. Иногда в судебные документы попадало не мирское, а монашеское имя с отчеством. Всё это в значительной степени усложняет поиск сведений о судьбах духовенства.

* * *

Последний послужной список Нило-Сорской пустыни составлялся в 1920 году (более поздний не обнаружен, по всей видимости, его и не было). По нему в обители числились: 1 игумен, 7 иеромонахов, 4 иеродиакона, 5 монахов, 3 указанных послушника и 14 проживающих на испытании по паспортам – всего 34 насельника. Настоятелем был игумен Иларион (Козлов), казначеем – иеромонах Иннокентий (Калинин), духовником – иеромонах Мефодий (Плеханов).

Епископа Кирилловского Тихона (Тихомирова) мы не найдём в списке, но он оказался в некотором смысле вынужденным насельником обители в том же 1920 году. Опуская биографические сведения о нём в дореволюционный период, упомянем, что его епископская хиротония состоялась

4 апреля (22 марта старого стиля) 1920 года. Новый владыка был направлен на Кирилловскую кафедру, которая вдовствовала уже полтора года, поскольку его предшественник епископ Варсонофий (Лебедев) был расстрелян, став жертвой красного террора.

Исторически местом пребывания Кирилловского викария являлся древний Кирилло-Белозерский монастырь, с поручением епископу управлять обителью на правах настоятеля. Однако в силу сложившихся после расправы с епископом Варсонофием обстоятельств, новому епископу жить в Кирилло-Белозерском монастыре, священноархимандритом которого он именовался, было нельзя. По этой причине ему приходилось скитаться. Первоначально он поселился в Нило-Сорской пустыни. По опубликованным воспоминаниям уроженки деревни Остолопово Евгении Васильевны Тихоновой⁴, владыку Тихона в первый раз арестовали через неделю после его прибытия в Кириллов и отправили в Череповец, но вскоре отпустили.

Зиму 1921-1922 годов епископ провёл в Леушинском монастыре, а затем избрал местом своего пребывания местечко Сорово. В нём находился приписной к Нило-Сорской пустыни храм Вознесения Господня, который по приделу называли в народе церковью Косьмы и Дамиана. Служил там нило-сорский игумен Иннокентий (Калинин) в качестве приходского священника.

Епископ Кирилловский Тихон (Тихомиров)

1920 г.

Епископ Тихон за несколько месяцев до смерти. Ярославль.

1950 г.

В Сорово епископ жил в сторожке при церкви в течение почти 7 лет, с перерывами на новые аресты и работы на лесоповалах, куда регулярно посылали духовенство, невзирая на сан и возраст.

В 1921 году Владыку снова арестовали. В одном из писем И.И. Бриллиантова к брату есть краткое упоминание об этом: «Епископ Тихон арестован в Череповце (уже около месяца тому назад), причина точно неизвестна. По слухам, он переведён теперь в больницу»⁵. Письмо датируется 6/19 августа 1921 года. В другом его письме от 12/25 июня 1922 года упоминается, что епископ сидел в тюрьме в Череповце.

Эти события нашли своё отражение и в письме епископа Тихвинского Алексия (Симанского) – будущего Патриарха – к митрополиту Новгородскому Арсению (Стадницкому). Из письма от 24.07.1921: «Был у меня один господин из Тихвина. Передал весть, мною и раньше слышанную, будто преосвященный Тихон был арестован 26 июня на пароходе проездом в Леушино [...] Неизвестно, освобожден ли он теперь»⁶.

Монахов Нило-Сорской пустыни заставляли рубить лес в огромном объёме. Не было сделано исключения и для большого епископа Тихона: «И на него 200 кубометров лесу назначили нарубить. А он сроду топора не держал. И вот он ноги простудил, у него сделалась водянка, стали открываться раны. Бывало, в НКВД вызывали – зима, в калошах едет: никакая обувь на ноги не влезала»⁷. В 1927 году его снова арестовали.

Когда епископ Тихон жил в Сорове, то и там он служил архиерейским чином, но иподьякопов при нём уже не было, вместо них во время богослужения ему прислуживали четыре девочки. Для службы горлицкие монахини спшили им одинаковые черные платяица и высокие ботин-

Епископ Кирилловский Тихон и монахиня Ергомена (Телицына). Ярославль.

Около 1953 года

Слева - схиигумен Нил (Судьбицкий),
справа - иеродиакон Иннокентий
(Калинин)

Архимандрит Иларион - последний
настоятель Нило-Сорской пустыни

Фото из архива
протоиерея Сергея Телицына

ки⁸ и называли девочек женами-мироносицами за то, что они оказались стойкими и верными помощницами. На службу девочки пробирались лесом, чтобы их никто не видел. Одной из этих девочек была Е.В. Тихонова, воспоминания которой были опубликованы.

Последние годы своей жизни епископ Тихон жил в Ярославле в затворе. Он был аскетом и молитвенником, молчаливым и постником, спал мало и только сидя. Опекала его горницкая монахиня Ермагена (в миру Иулиания Телицына), которую Владыка постригал одной из последних. Матушка собирала среди верующих милостыню, чтобы Владыка не умер с голода. Впервые ему назначили пенсию в 30 рублей после того, как его в затворе разыскал Патриарх Алексей (Симанский). Когда-то они оба поочередно были ректорами Новгородской духовной семинарии и настоятелями монастыря преподобного Антония Римлянина, в стенах которого семинария находилась. Вскоре после этой встречи затворник почил. Кончина епископа Кирилловского пришлась на субботу перед Прощеным воскресеньем 1953 года (по другим источникам, 1955 года). И хотя он вёл скрытную жизнь, его похороны оказались необычайно торжественными и многолюдными.

Последним настоятелем Нило-Сорской пустыни был **архимандрит Иларион (Козлов)**. В миру Иван Павлович был родом из деревни Есипово Чуриновской волости Белозерского уезда (ныне Кирилловский район). Монашеский постриг принял в Нило-Сорской пустыни в 1894 году, в 1902-м был духовником сестер Леушинского монастыря, в 1904-м по выбору братии утверждён настоятелем пустыни, в 1906-м возведен в сан игумена⁹, в 1924-м – во архимандрита¹⁰.

Отец Иларион не обучался грамоте в училище. По воспоминаниям людей, знавших его, он с трудом читал и пи-

сал, перед службой выучивал Евангелие наизусть, чтобы правильно прочитать его на службе. Но он обладал редким даром духовного рассуждения. Архиепископ Новгородский Арсений (Старицкий) обращался к игумену Илариону за духовным советом и считал его своим духовником.¹¹ Отец Иларион умел и с владыками, и с сельскими мальчишками общаться по-деревенски просто, добродушно, иногда немного юродствуя.

Когда после революции началась травля нило-сорских насельников, 1 октября 1918 года на сцене кирилловского Народного дома прошла пьеса «Черные вороны», в своё время запрещенная царской цензурой. После кощунственной постановки в местной га-

зете появилась статья «Сорские пустынножители» за анонимной подписью «Богомолец». В ней обращалось внимание на то, что монахи якобы живут в довольстве и праздности, в то время как народ голодает, а «неотёсаный игумен Иларион напоминает своей повадкой не то Фальстафа в рясе, не то деревенского мироеда»¹².

После изгнания насельников из Нило-Сорской пустыни архимандрит Иларион скитался по деревням, начал юродствовать. Когда настоятель Кирилло-Новозерского монастыря Иоанн (Новинский) ослеп в 1930 году, отец Иларион совершал вместо него богослужения. Осенью 1937 года он пошёл умирать в своё родное Есипово, где попросил похоронить его тайно на картофельном поле, что и было исполнено.

Тяжёлые испытания выпали на долю казначея Нило-Сорской пустыни **игумена Иннокентия (Калинина)**. В миру Иван Фёдорович, родился 21.01.1886, из крестьян деревни Селище Усть-Угольской волости Череповецкого уезда (в судебных документах: Пришекснинского района), образование имел 2 класса церковно-приходской школы. В 1901 году поступил на испытание в Нило-Сорскую пустынь, в 1908-м определён послушником, в 1914-м пострижен в монашество с именем Иннокентий и рукоположен во иеродиакона, в 1919-м во иеромонаха. В 1904 – 1919 годах состоял келейником при схиигумене Ниле (Судьбицком) и был певчим в Иоанно-Предтеченском скиту. В графе о качествах написано: «очень хороших, весьма способен и усерден»¹³.

В апреле 1919 года иеромонах Иннокентий был мобилизован в тыловое ополчение, где прослужил 4 месяца. Возвратился «по приговору прихожан Соровской церкви для исполнения религиозных нужд народа»¹⁴, то есть стал приход-

ским священником. С 1920 года отец Иннокентий для пропитания служил ещё счетоводом в двух кооперативах.

В Сорове совершались богослужения вплоть до 1938 года в то время, когда уже все церкви Кирилловского уезда (тогда района, отнесенного к Ленинградской области) были закрыты. Игумен Иннокентий знал, что будет репрессирован, так как ни священников, ни монахов на свободе в районе уже не осталось – шёл 1938-й год. Но он до конца исполнил свой пастырский долг. Никакой регистрации приход уже не имел, а церковь числилась переданной колонии.

13 января 1938 года кирилловскими властями были поданы в облисполком сведения о наличии церквей по району и сельсоветам. «...В районе служителей культуры один, Калинин Иннокентий Фёдорович [...], регистрация не производилась с 1936 г., [церковь] действующая, на некоторую часть населения имеет большое влияние, и не только на окружающее население Липовского сельсовета, но даже и других сельсоветов: Вогнемского, Пидемского, Филипповского, Суховерховского, Береговского, Горлиц и др[угих] сельсоветов, посещающих церковь. Кроме перечисленных сельсоветов, приезжают из других районов, таких как Череповецкий, Белозерский [и] более отдалённых»¹⁵.

18 мая 1938 года игумена Иннокентия арестовали, ему предъявили обвинения по статье 58-10 части II Уголовного Кодекса РСФСР. Прокор допроса, хранящийся в архиве УФСБ Вологодской области, составлен стандартно, он почти ничем не отличается от других следственных дел, что свидетельствует о том, насколько массовым был террор в то время. Часто документы составлялись вообще без участия обвиняемого. В них умышленно вписывались дополнительно многочисленные имена для того, чтобы «контрреволюционный заговор» выглядел разветвлённым.

Из текста протокола на игумена Иннокентия видно, что вёлся он не с его слов: «Я усилил контрреволюционную агитацию среди населения... через исповедь... и ставил вопрос «доволен ли он существующим строем». Крестьян, которые ко мне обращались за советом, я убеждал, чтоб они в колхозы не вступали, запугивал их голодом...»¹⁶

Давались показания после физического воздействия на подсудимого. Об этом свидетельствует протокол судебного заседания от 25-26 марта 1939 года. Из показаний обвиняемого Калинина: «Протокол своего допроса на предварительном следствии я подписал, потому что допрашивавший меня начальник РО НКВД т[оварищ] [имя написано неразборчиво – Е.С.] применял ко мне насильственные меры, тыкал меня кулаками под бока и заставлял стоять, не сходя с места по 10 часов, в результате чего ноги у меня опухли, и потому, чтобы лишиться дальнейших мучений, я не выдержал и подписал протокол»¹⁷.

Содержался игумен Иннокентий в Белозерской тюрьме, а на допросы его возили в Кириллов. Приводим рассказ Евгении Васильевны Тихоновой, близко знавшей игумена Иннокентия. «Отца Иннокентия гоняли на допросы постоянно из Белозерска в Кириллов, зимой. Туда да обратно надо было ходить пешком, а он был слаб здоровьем. Многие из нашей деревни ходили следом за ним. Последний раз он уже не шёл, а его привезли. Лицо чуть-чуть видно, шарфом весь опутанный, а на ногах ничего тёплого нет. Замучили его»¹⁸.

По поводу случившегося начальник Кирилловского РО НКВД констатировал, «что обвиняемый по настоящему делу Калинин Иван Фёдорович 14 апреля 1939 г. скончался от

туберкулёза легких и слабости сердечной мышцы, о чем имею подтверждение и справку Белозерской тюрьмы»¹⁹. Следственное дело было прекращено за смертью обвиняемого в Белозерской тюрьме 12.05.1939 г. Реабилитирован 27.05.1996 г. Вологодской областной прокуратурой.²⁰

Не только игумен Иннокентий после революции продолжал служить, перейдя на приход. Большинство насельников, имеющих священный сан, старались продолжить своё служение в приходских храмах. В приходские обращались и монастырские, и скитские церкви. Так, иеромонах Серафим (Жизнин) совершал богослужения в Леушинском монастыре, а в Воробозомском скиту Горичского монастыря служил иеромонах Алимпий (Быстров). Никулинский пустынь с 1922 года окормлял иеромонах Августин (Алексеев). Иеромонах Павел (Пазгалёв) в 1919 году перешёл служить в Крестовоздвиженскую церковь Белозерского уезда.

Насельники Нило-Сорской пустыни, не имевшие священного сана, были в более сложном положении. Со слов старожилов, **монах Лазарь** разгружал баржи на Шексне у пристани Крохино, потом он был сослан в ссылку, где и пропал. В письме И.И. Бриллиантова говорится, что **монах Мелетий (Богданов)** тщетно пытался устроиться псаломщиком в местечке Зайцево Ферапонтовской волости, где находилась церковь Николая Чудотворца²¹.

Не о всех насельниках Нило-Сорской пустыни найдены сведения, касающиеся их дальнейшей судьбы. **Монах Алексий (Кузнецов Прокопий Иванович)** в 1919 году был вызван престарелыми родителями на родину – доживать их и кормить осиротевших детей своего брата²². **Монах Арсений (Храпичев)** в 1919 году уехал на родину²³. Что с ними случилось в дальнейшем, неизвестно.

Удивительна судьба одного из пустыньских подвижников – **архимандрита Иоанна (Новинского)**. Родился в 1855 году в городе Симбирске. Как он сам поведал однажды путешествуя к князю Сергею Голицыну, ему довелось учиться в одном классе с Александром Ульяновым, не раз приходилось ему бывать и в доме Ульяновых²⁴.

Окончив Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия, Новинский много лет преподавал в Симбирской духовной семинарии, был в ней инспектором, за свои труды отмечен орденом Станислава III степени. В 1895 году он принял сан священника, но вскоре уволился и перешёл в Новгородскую епархию²⁵. В 1902 году отец Иоанн принял постриг в Нило-Сорской пустыни, в 1913-м назначен настоятелем Кирилло-Новозерского монастыря, возведен в сан игумена.

Несмотря на тяжкие испытания, отец Иоанн не унывал и ещё находил силы утешать других. По воспоминаниям местных жителей, настоятель до конца своих дней оставался в обители и совершал там богослужения до той поры, пока не ослеп в 1930 г. По этой причине он уже не служил. Службу совершал нило-сорский архимандрит Иларион (Козлов). В 1931 году Новоозерский монастырь был закрыт.

В «Записках уцелевшего» князя Голицына упоминается о его встрече с отцом Иоанном в июле 1928 года. Сергей Голицын попал на остров как раз в тот день, когда в обители проходила реквизиция ценностей. Особенно много тяжб между прихожанами и властями и в дальнейшем возникало в связи с поруганием мощей преподобного Кирилла Новоозерского – единственного Белозерского святого, чьи мощи находились не под спудом, а открыто в раке²⁶.

Особенно многолюдно в монастыре бывало в дни памяти преподобного Кирилла Новозерского. Выручка в эти дни была огромной – в кассу поступало от полутора до 11 тысяч рублей. Однако причту выплачивалась униженно нищенская сумма в 50 рублей на каждого монаха, в то время как председателю общины – крестьянину – выплачивалось до 2250 рублей²⁷.

О трагической судьбе некоторых из насельников Нило-Сорской пустыни удалось узнать из списков жертв репрессий за 1937-1938 годы, расстрелянных предположительно в Левашовской пустоши под Ленинградом.

Иеромонах Павел (в миру Пазгалёв Пётр Никитич), 1875 года рождения, уроженец деревни Флоровской Богословской волости (в судебном деле: Богородского сельсовета) Череповецкого уезда²⁸. Был репрессирован не единожды. Судился в 1924 году, в 1934-м осуждён на 5 лет концлагеря (условно) по делу «о контрреволюционной монархической организации во главе с епископом Кирилловским Валерианом Рудичем»²⁹. К 1937 году служил священником Веретьевской церкви, арестован 22 сентября, Особой тройкой УНКВД ЛО 4.10.37 приговорён по статье 58-10 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян 9 октября 1937 года в возрасте 68 лет³⁰.

Иеромонах Серафим (Жизнин Фёдор Богданович), 1876 года рождения (в судебном деле 1877 г.), уроженец деревни Кожино Чуриновской волости Белозерского уезда. В Нило-Сорскую пустынь поступил в 14-летнем возрасте, с 1901 года определён послушником, в 1908-м принял постриг, рукоположен во иеродиакона, в 1914-м во иеромонаха³¹. Ко времени первого ареста был священником Леушинской монашеской общины. Осуждён выездной сессией коллегии ОГПУ, приговорён к 3 годам концлагеря. Затем дело было пересмотрено, его освободили³². К моменту последнего ареста 2 августа 1937 года отец Серафим проживал в деревне Раменье Кирилловского района Ленинградской области. Особой тройкой УНКВД ЛО 4 октября 1937 года приговорён по статье 58-10,11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян 9 октября 1937 года в возрасте 61 года³³.

Иеромонах Алипий (Быстров Александр Хрисанфович), 1871 года рождения, из крестьян Белозерского уезда Чуриновской волости деревни Шейкино. Поступил в Нило-Сорскую пустынь в 1894 году, принял постриг в 1902 году, в 1903-м рукоположен во иеромонаха, был ризничим³⁴. В последнем послужном списке за 1920 г. имя иеромонаха Алипия уже не встречается. А в сведениях о репрессиях указано, что священник Алимпий Хрисанфович Быстров (монашеское имя с отчеством) был арестован 6 сентября 1937 года, проживал он на острове Красном (Ворбозомское озеро) Белозерского района. Особой тройкой УНКВД ЛО 25.10.37 приговорён по статье 58-10,11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян 9 октября 1937 года³⁵.

Иеромонах Августин (Алексей Яковлевич Алексеев) 1873 года рождения, из крестьян деревни Павлово Чуриновской волости Белозерского уезда. 18-ти лет поступил в Нило-Сорскую пустынь, был келейником настоятеля, в 1904 году пострижен в монашество, иеродиакон, в 1906-м иеромонах. Служил священником на крейсере «Аврора» в 1907 году и на «Цесаревич» до 1913-го³⁶. В 1922 году был назначен исполнять обязанности священника Никулинской пустыни Кирилловского уезда³⁷. Дальнейшая судьба неизвестна.

Иеромонах Серафим (Жизнин)

1914 г.

Монах Мелетий (в миру Матвей Богданов), из мещан города Новгорода. Несколько раз его перемещали из Нило-Сорской пустыни в другие монастыри (сначала в Новозерский, потом в Николо-Моденский), умер в 1925 году³⁸.

В «Ленинградском мартирологе» в список расстрелянных помещено имя дьякона **Храпичева Арсения Дмитриевича**, 1874 года рождения, уроженца деревни Новое Борисово-Судского района Ленинградской области. На время ареста 5.08.37 он проживал в Никольском Торжке Кирилловского района. Особой тройкой УНКВД ЛО 4.10.37 он был приговорён по статье 58-10,11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян 9.10.37³⁹. Очевидно, что это насельник Нило-Сорской пустыни, который в послужном списке 1920 года записан без отчества как **монах Арсений (Храпичев Матвей)**, уроженец деревни Новое Белозерское уезда⁴⁰.

В заявленной теме о судьбах насельников Нило-Сорской пустыни в годы гонений остаётся всё ещё много «белых пятен». Главной задачей будущих исследователей видится более серьёзное использование закрытого ранее для историков архива Управления Федеральной службы безопасности и фонда уполномоченных, переданного несколько лет назад в Государственный архив Вологодской области.

Елена Стрельникова

Использованная литература

1. С 1918 г. г. Кириллов вошёл в состав Череповецкой губернии.
2. Стрельникова Е.Р. Новомученики и исповедники Белозерские. Монастыри Кирилловского уезда в XX веке. // ж. "К свету" № 15: Край Кирилла Белозерского. 1997. С.143; ЧФ ГАВО. Ф.18, оп.1, д.30, л.60; ф.4261, оп.1, д.3, лл.258, 259.
3. Романенко Е.В.Первый скит России: страницы истории // ж. "К свету" № 15: Край Кирилла Белозерского. 1997, с.90.
4. Рассказ о Евгении Васильевне Тихоновой (духовные истоки, жизнь, воспоминания её и о ней). М. 2002, с. 34-35. (Далее: Рассказ о Е.В. Тихоновой...)
5. Письма И.И.Бриллиантова к А.И.Бриллиантову. 1894–1929. // Ферапонтовский сборник. IV. М.–Ферапонтово, 1997, с. 158.
6. Письма патриарха Алексия своему духовнику. Изд. Сретенского монастыря. 2000., с. 264
7. Рассказ о Е.В. Тихоновой..., с. 38.
8. Все четверо до конце жизни остались верными чадами Церкви. Это Надежда Козина, Евгения Тихонова (алтарница в Рождественском храме Звенигорода в течение 40 лет), Лукия Медведева (у неё жила Любушка Сусанинская в течение 22 лет) и Анна Медведева, ставшая монахиней Параскевой в Сергиевом Посаде.
9. Послужной список настоятеля и братии Нило-Сорской пустыни Новгородской епархии. 1920 г. //ГАВО, ф.1067, оп.1, д.527, л. 1 об. [далее: Послужной список 1920 г.]
10. Из письма И.И. Бриллиантова к брату от 27-28 января 1924 г.: «Здешнему духовенству епископ Тихон объявил награды: о.Димитрию Лесницкому — протоиерейство, о.Сергию Третинскому — палицу. Игумен Иларион ещё раньше получил архимандритство». // Ферапонтовский сборник. Т. IV. Письма И.И. Бриллиантова к А.И. Бриллиантову. 1894–1929. М.–Ферапонтово, 1997, с.193. (Далее: Письма И.И. Бриллиантова...)
11. Романенко Е.В. Указ. соч., с. 88.
12. Цит. по: Романенко Е.В. Указ. соч., с.90.
13. Послужной список. 1920 г., лл.2об.–3.
14. Там же.
15. ГАВО. Ф.798, оп.3, д.183, л.103. Сведения о наличии церквей и часовен сводные по району и сельсоветам. 1938 – 1944 гг.
16. Архив УФСБ ВО, дело № П–2481, л. 11–11 об.
17. Там же, л. 49.
18. Магнитофонная запись 1995 г., сделанная нами в Звенигороде в доме Е.В. Тихоновой, 1912 г. рождения, — алтарницы церкви.
19. Архив УФСБ ВО, дело № П–2481, Там же, л. 61.
20. Архивная справка – письмо начальника подразделения УФСБ ВО В.И. Осокина за № 10/8-С-17 от 24.04.97
21. Письма И.И. Бриллиантова..., с.206.
22. ГАВО. Ф 1067, оп.1, д.527, л.7об.-8.
23. Послужной список 1920 г., лл.7об.–8.
24. Голицын С.М. Записки уцелевшего. М., 1990, с.334.
25. Романенко Е.В. Указ соч., с.88.
26. В Череповецком филиале ГАВО сохранилась обширная переписка между властями и местными жителями по этому поводу.
27. «Приходо-расходная книга Новозерской религиозной общины с 16 ноября 1919 г. и за 1920-1921 и 1922 годы» // ЧОМ. Ф. VIII, д. № Р-361.
28. Послужной список 1920 г., лл.4 об.-5.
29. Архив УФСБ по ВО. Д. П–11823, лл. 36, 60.
30. Ленинградский мартиролог. Книга памяти жертв политических репрессий. Т.2, окт. 1937 г. СПб, 1996, с.268. (Далее: Ленинградский мартиролог...), Т.5, с.268.
31. Послужной список 1920 г., лл.5 об.–6.
32. Из справки в Вологодское епархиальное управление от 8.07.1993, составленной протоиереем Алексием Бриленковым по архивному делу Архива УФСБ за № 3679, под общим названием "Великоустюжское дело..."
33. Ленинградский мартиролог..., с.122.
34. Нило-Сорская пустынь. Сведения о хозяйстве и составе за 1911 г. // КБИАХМЗ. Ф.1, оп.1, ед.хр.139.
35. Ленинградский мартиролог... с.58.
36. Послужной список 1920 г., лл. 4–5 об.
37. Послужной список 1920 г., лл. 4–5 об.
38. Письма И.И. Бриллиантова... с. 206.
39. Ленинградский мартиролог..., с.386.
40. Послужной список 1920 г., л.7об-8.